

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Могила княгини Дарьи Михайловны Меншиковой.

1728.

Въ 12-ти верстахъ отъ Казани, въ Свияжскомъ уѣздѣ, на правомъ утесистомъ берегу кормилицы-Волги, живописно раскинулось государственное село Верхній Услонъ. Въ Казани Услонскія горы видны съ вѣршинного бульвара, находящагося на краю города; весною, во время разлива Казанки и Волги, эти горы представляютъ великолѣпный ландшафтъ.

Верхній Услонъ—село довольно большое: въ немъ считается 262 дома, жителей 1,609 человекъ обоого пола, большинство котораго придерживается „древняго благочестія“. Церковь въ Услонѣ каменная, во имя Сергія Радонежскаго чудотворца, замѣчательная тѣмъ, что въ страшный пожаръ 9-го мая 1861 г., когда выгорѣло все село, она одна осталась невредимою. Въ историческомъ отношеніи Верхній Услонъ пользуется нѣкоторою извѣстностью какъ мѣсто, въ которомъ скончалась и погребена княгиня Дарья Михайловна Меншикова, рожденная Арсеньева, супруга злополучнаго временщика князя Александра Даниловича Меншикова, сосланнаго въ Березовъ. Слѣдуя за мужемъ въ ссылку, Дарья Михайловна захворала въ дорогѣ, и тихо скончалась въ Услонѣ 10-го мая 1728 г. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ событіи Г. В. Есиповъ въ статьѣ о ссылкѣ князя Меншикова:¹⁾ „10-го мая 1728 г. караванъ ссыльныхъ, причаливъ къ Услону, въ 12-ти верстахъ отъ Казани, принужденъ былъ остановиться: несчастная княгиня Дарья Михайловна не могла ѣхать далѣе. Больною вывезли ее изъ Рансбурга; ѣзда на телегѣ, безъ шубы, скудная арестантская пища, отсутствіе медицинскаго пособія привели

¹⁾ «О. З.» 1861 г., кн. I, стр. 84—85.

ее къ смерти. Любимица Петра и Екатерины скончалась въ крестьянской избѣ на рукахъ семейства своего, окруженнаго солдатами. Ее похоронили въ селѣ Услонѣ, возлѣ сельской церкви“. По рассказамъ услонскихъ старожиловъ, надъ прахомъ княгини была сооружена церковь, давно сгорѣвшая, а потомъ, взамѣнъ ея, поставленъ надгробный камень, который можно было видѣть еще въ началѣ 1860-хъ годовъ. Отъ времени плита памятника почернѣла и до того истрескалась, что изъ надписи, на ней значащейся, едва можно было разобратъ: „Здѣсь лежитъ раба Божія Д...“

Въ такомъ запустѣніи эта историческая могила находилась до 1863 г.; въ этотъ годъ правнукъ сподвижника и друга Петра Великаго, генералъ-адъютантъ, адмиралъ, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, виѣсто надгробной плиты, выстроилъ надъ могилою Дарьи Михайловны часовню.

Видъ часовни крестообразный, въ четыре аршина вышины и два ширины. Снаружи часовня окрашена коричневою краскою, а внутри бѣлою. На лицевой и задней стороны золотыми буквами написано:

„Въ память княгини Дарьи Михайловны Меншиковой, скончавшейся здѣсь на пути въ ссылку. Построилъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ въ 1863 г.“

Внутри часовни, слабо освещаемою четырьмя полукруглыми окнами, возвышается исклотою бутовой камень, означающій мѣсто могилы почившей княгини. Прямо противъ входа, на стѣнѣ, виситъ плохой работы образъ св. Дарьи, а предъ нимъ лампада, изрѣдка зажигаемая. Вообще вся часовня отличается простотою постройки. Мѣсто, занимаемое часовней, принадлежитъ услонскому крестьянину Бобылеву.

Казань.

П. В.

Поваръ Халябля.

1741г.

Указъ нашей архангелогородской губернской канцеляріи. Всемиловѣйше указали мы бывшаго при дворѣ матери нашей, блаженныя и вѣчно достойныя памяти ея императорскаго величества государыни Екатерины Алексѣевны, кухнѣ-мейстера Халябля, который обрѣтается въ Кольскомъ острогѣ, изъ ссылки немедленно свободить и, давъ ему подводы и прогонныя деньги, отпустить въ Санктъ-Петербургъ; и повелѣваемъ нашей архангелогородской губернской канцеляріи учинить по сему нашему указу. „Елисаветъ“.

Примѣчаніе. Замѣчательно, что указъ этотъ написанъ безъ означенія числа, мѣсяца и года, а также и мѣста, гдѣ данъ. Но на оборотѣ его слѣдующая, сдѣланная въ Архангельскѣ, помѣта: <полученъ съ почтою декабря 20 дня 1741 году>.

Сообщ. А. Подвысоцкія.

Челобитная императрицы Елисаветы.

1747.

(Писано на герб. листь, ц. 1 к. По титуль):

Бьетъ челомъ каргополець, кушечкой человекъ, Иванъ Васильевъ сынъ, Сухихъ - Голяницъ, на каргопольца, посадскаго человекъ, Ивана Стефанова сына, Киприянова, а о чемъ мое челобитье, тому слѣдуютъ пункты:

1) Въ прошломъ 1746 г., въ июнѣ мѣсяцѣ, отдалъ я низайшій дочь свою, дѣвицу Оеклу Иванову, по закону Божию въ замужество вышеименованнаго Ивана Киприянова, за сына ево Василя Иванова. Къ сей

2) И въ бытность ея въ домѣ означеннаго Киприянова, онъ, сынъ Киприянова, ее, дочь мою, а свою невѣстку, сначала ея въ домѣ ево житья, повседневно оскорбляетъ и бранитъ всякими, неподобными, скарденными словами и называетъ канальею и Иудю, и бьетъ своими руками и палкою безвинно, приказываетъ ей, что-бъ она свекровѣ своей, а ево женѣ, Акулинѣ Ивановѣ дочери, въ ноги кланялася, и когда она, по его приказу, то чинитъ, въ то время лежащую ее, ногами безчеловѣчно топчетъ и таковыми безчеловѣчнымъ и мучительскимъ своимъ поступкомъ и озлобленіемъ, ее, дочь мою, лишилъ здравія и привелъ въ тѣлесное изнуреніе. челобитной

3) Сверхъ того онъ, Киприяновъ, поступаетъ съ нею, дочерью моею, въ домѣ своемъ непорядочно и чинитъ ей явное ругательство и непотребности, а именно, называя оную дочь мою, какъ выше объявлено, канальею и Иудю, призываетъ ее стоять предъ собою днемъ и ночью безъ сна, а самъ онъ, Киприяновъ, либо ходя по горницѣ, либо лежа на постели, велитъ ей, дочери моей, отворить ротъ и

мокроты руками и ничѣмъ другимъ обтереть не приказываетъ и не даетъ. А иногда онъ, Киприяновъ, для тѣлесной своей нужды.

и держать свѣчу, отчего она, дочь моя, отъ таковаго стыда, что ей то чинитъ непристойно и зазорно, отговаривается, но онъ, Киприяновъ, яко мучитель, за то бьетъ ее безчеловѣчнымъ битьемъ; иногда же онъ, Киприяновъ, со стола взявъ съ блюда ложкою горячей рыбной уха, приказываетъ ей стоять отворя ротъ, а самъ ту горячую уху бросаетъ ей въ отворенный ротъ и въ лицо. Иванъ

4) А сего октября къ 9 числу, въ ночи и днемъ, онъ, Кипріяновъ, ее, дочь мою, паки руками по щекамъ и по тѣлу палкою билъ немилостиво и безчеловѣчно, отъ которыхъ его побой на тѣлѣ ея раны и битыя мѣста имѣются, о которомъ его битыѣ и о всѣхъ вышеписанныхъ непорядочныхъ поступкахъ, я нижайшій того-жъ дня на него, Кипріянова, просилъ словесно въ Каргопольскомъ магистратѣ. А понеже мужъ ея, а мой зять, Василій Ивановъ сынъ, Кипріяновъ, нынѣ пишется въ отлученіи изъ Каргополя въ поморскія волости, а ей, дочери моей, онымъ свекромъ своимъ, Иваномъ Кипріяновымъ, въ домѣ его, за вышеобъявленными его, ею нестерпимыми, оскорбленіями и прочими непотребными поступками жить невозможно, въ такой опасности, дабы онъ, Кипріяновъ, надъ нею, дочерью моею, смертнаго убійства не учинилъ, понеже и то бывало, что онъ, Кипріяновъ, захватя ее одною рукою за горло, а другою, ударяя противъ груди, едва не задавилъ и не предалъ смерти. Сухихъ.

5) Дабы в — шимъ В. И. В. указомъ повелѣно было — вышеименованную дочь мою, женку Иванову, за неимѣніемъ въ домѣ мужа ея, для такова, непотребнаго свекра ея, житья и побой, пока онъ, мужъ ея, въ домъ возвратится, изъ онаго ево, Кипріянова, дому взять и до прибытія мужа ея отдать для содержанія и охраненія въ домъ мнѣ нижайшему, дабы онъ, Кипріяновъ, по вышеписаннымъ ево непотребнымъ поступкамъ и ругательствамъ ее, дочери моей, съ жестокими, безвинно, побоями не лишилъ живота, понеже онъ, Кипріяновъ, въ домъ къ себѣ для свиданія съ дочерью моею, невѣдомо для чего меня нижайшаго и домашнихъ моихъ не впускаетъ, можетъ быть для того, что-бы оныя его, чинимыя надъ дочерью моею, непотребности, не были явны, да и вышепредписанный мужъ ея, а мой зять, Василій Кипріяновъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Каргополя, призывалъ ей, женѣ своей, а моей дочери, въ небытность его, изъ онаго отцовскаго дому выдти и жить у меня нижайшаго, вѣдая его, отца своего, надъ нею всякія чинимыя непотребности и побои безмѣрные. А о тѣхъ его непотребностяхъ и обо всемъ вышеписанномъ его, Кипріянова, въ магистратѣ допросить и отъ такова ево, дочери моей, побой и ругательства, каковаго едва гдѣ слыхано, оборонить и учинить рѣшеніе по указамъ В. И. В. А битымъ мѣстамъ и ранамъ на тѣлѣ дочери моей учинить осмотръ и записать, и для того осмотру послать кого пристойно и егда по сему моему челобитью надлежащее слѣдствіе и разсмотрѣніе учинено будетъ, то повелѣно-бы было, для предбудущаго опасенія, чтобъ онъ, Кипріяновъ, по прежнему своему къ ней, дочери моей, неблагопріятству, а наипаче по нынѣшней съ нимъ письменной приказной ссорѣ, не чинилъ наивящ-

шаго озлобленія и оскорбленія, обязать его крѣпкою подпискою и поруками, съ надлежащимъ подтвержденіемъ. Голяницъ.

В—шая Г., прошу В. И. В. о семь моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Сентября — дня. 1747 г. Писалъ сію челобитную каргополецъ Андрей Поповъ. Поданію надлежитъ въ Каргопольскій магистратъ. руку приложилъ.

Рѣшено: Челобитые сіе записать въ книгу. Отвѣтчика Кипріянова сыскать въ магистратъ. Изъ сего челобитья, по формѣ суда, со срокомъ, что-бъ явился къ суду, дать копію и о всемъ вышеписанномъ допросить обстоятельно. А что-бъ вышепрописанный отвѣтчикъ Кипріяновъ оной невѣсткѣ своей, какъ выше сего въ челобитной написано, такихъ же озлобленій не чинилъ, до прибытія въ домъ мужа ея, а ево сына, Василия Кипріянова, велѣтъ оной невѣсткѣ ево жить въ домѣ отца ея, означеннаго челобитчика Сухихъ-Голенищъ, дабы таковыхъ же непотребностей отъ отца Кипріянова и ссоръ далѣе не воспослѣдовало. А битня мѣста и раны на тѣлѣ ея осмотрѣть и записать; для правильнаго осмотра послать городского старосту и съ нимъ купецкихъ добрыхъ людей двое или трехъ человекъ. А для осмотра-жъ у оной, челобитчика Сухихъ-Голенищъ дочери, а онаго Кипріянова невѣстки, на тѣлѣ битыхъ и кровяныхъ мѣстъ, взять ему, старостѣ, изъ женска пола кого пристойно и о томъ записку съ руками подать въ магистратъ. Сентября 10 дня 1747 г. Бургомистръ Василій Прибытковъ. Ратманъ Яковъ Кульяниновъ. Ратманъ Данило Мишанинъ. Ратманъ Иванъ Митусовъ. Въ (книгѣ подъ) № 68.

Сообщ. П. Вашловскій.

Продажа людей.

1760.

Лѣта тысяча семьсотъ шестидесятаго, декабря въ девятыйнадцать день, отставной капралъ Никифоръ Гавриловъ сынъ Сипягинъ въ родѣ своемъ не послѣдній, продалъ я, Никифоръ, маіору Якову Михѣеву сыну Писемскому старинныхъ своихъ, Галицкаго уѣзда, Корежской волости, изъ деревни Глобенова, крестьянскихъ дочерей, дѣвокъ: Соломаниду, Мавру, да Ульяну Ивановыхъ дочерей малолѣтнихъ на вывозъ. А взялъ я, Никифоръ, у него, Якова Писемскаго, за тѣхъ проданныхъ дѣвокъ денегъ три рубли. И вольно ему, Якову, и женѣ, и дѣтямъ, и наслѣдникамъ его, тѣми дѣвками съ сей купчей владѣть вѣчно, продать и заложить и во всякія крѣпости укрѣпить. А напредъ сего оныя дѣвки отъ меня иному никому не проданы и не заложены и ни въ какихъ крѣпостяхъ ни у кого не укрѣплены; а

ежели въ тѣхъ дѣвохъ станетъ кто вступаться по какимъ крѣпостямъ и мнѣ, Никифору, и дѣтамъ, и наслѣдникамъ моимъ, его, Якова Писемскаго, и жену, и дѣтей, и наслѣдниковъ его отъ тѣхъ вступщиковъ очищать и убытка никакого въ томъ не доставить. А о написаніи договорной цѣны безъ утайки, Правительствующаго Сената прошлаго тысяча семьсотъ пятьдесятъ втораго года, указъ мнѣ, продавцу и покупщику при сей купчей объявленъ. Къ сей купчей капитанъ Алексѣй Андреевъ сынъ Нелидовъ, вмѣсто напрала Никифора Гаврилова сына Сипагина, что онъ дѣвохъ Соломаниду, Мавру, да Ульяну Ивановыхъ дочерей маіору Якову Писемскому продалъ и денегъ три рубли взялъ, по его прошенію; да свидѣтели: Маіоръ Спиридонъ Ивановъ сынъ Борсуковъ, отставной сержантъ Михайла Алексѣевъ сынъ Телепневъ руки приложили. Писалъ подъ-канцеляристъ Иванъ Прянцовъ. Пошлинъ отъ письма десять копѣекъ, съ цѣны тридцать копѣекъ, отъ записки въ книгу десять копѣекъ, на расходъ четверть копѣйки пошлинъ принялъ и совершилъ надсмотрщикъ Андрей Рудомазинъ. Декабря въ 19 день 1760 г. Записано подъ № 917.

Примѣчаніе. Документъ этотъ напечатанъ съ подлинника 1760 г.

Галичъ.

Сообщ. Адмировъ.

Участники въ дѣлѣ Лопухиной.

Замѣтка.

Въ томъ XI-мъ „Русской Старины“ изд. 1874 г. (стр. 1—42; 191—235) во всей подробности изложено подлинное розыскное дѣло о мнимомъ заговорѣ статсъ-дамы Натальи Ѳедоровны Лопухиной и о кровавой судьбѣ, постигшей какъ ее, такъ и всю семью, друзей и ближнихъ злополучной женщины.

При изложеніи этого дѣла мы не имѣли, однако, точныхъ данныхъ о времени окончанія ссылки, а также о времени смерти нѣкоторыхъ изъ осужденныхъ по этому дѣлу. Нынѣ эти данныя сообщены намъ однимъ изъ изслѣдователей отечественной исторіи. Вотъ онѣ:

Сынъ Н. Ѳ. Лопухиной, Иванъ Степановичъ Лопухинъ, собственноручнымъ указомъ императора Петра III отъ 6-го марта 1762 г. возвращенъ изъ Охотска съ разрѣшеніемъ жить у матери въ деревняхъ.

Князь Иванъ Путятинъ умеръ въ Кецеѣ, — мѣсто его ссылки, — 29-го октября 1752 г.

Александръ Зыбинъ, обер-штеръ-крюгскомисаръ, также умеръ въ ссылкѣ, въ Кузнецкѣ, 20-го іюня 1760 г.

Камергеръ Лиліенфельдъ умеръ въ Томскѣ 12-го апрѣля 1759 г. Его женѣ, Софіи Васильевнѣ, уже имѣвшей разрѣшеніе жить въ дерев-

ПРОЕКТЪ ПАМЯТНИКА ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

ВЪ XVIII В.

Доволено цензурою. С.-Пб., 20 января 1875 г.

Типографія В. С. Балашева, В. Сзд., № 49—2.

няхъ, дозволено императрицей Екатериной II, 1-го августа 1762 г., жить въ Москвѣ, или гдѣ пожелаетъ.

Графиня Анна Гавриловна Бестужева-Рюмина умерла въ Якутскѣ 14-го апрѣля 1751 г.

Статуетка: Петръ Великій.

Въ имѣніи „Дукоры“, въ Игуменскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, приобрѣтена мною довольно оригинальная бронзовая статуетка императора Петра Великаго. Проводя лѣто 1871 г. въ моемъ имѣніи, въ верстахъ отъ „Дукоры“, я часто бывалъ тамъ, и однажды, осматривая старый господскій домъ, обратилъ вниманіе на бронзовую небольшую фигуру Петра I. При первомъ взглядѣ на нее меня поразила тождественность основной мысли художника съ памятникомъ Фальконета. Тотъ же скачущій на скалу конь, таже простертая рука всадника. Современность статуетки съ эпохою Фальконета не можетъ подлежать сомнѣнію. Но не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что она исполнена другимъ художникомъ.

Приобрѣтая эту, по моему мнѣнію, рѣдкую художественную вещь, я пытался собрать и свѣдѣнія о ея происхожденіи. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти очень не полны. Имѣніе Дукоры находилось прежде во владѣніи Ошторвта, бывшаго долгое время минскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Ошторвтъ давно умеръ, утонувъ въ р. Свислочи, а Дукора перешла, по наслѣдству, къ дочери его, г-жѣ Сяноженской, владѣющей имѣніемъ этимъ и въ настоящее время. До 1871 г. статуя стояла въ большомъ господскомъ домѣ въ гостинной, носящей названіе „Царской“. Въ этой комнатѣ помѣщены только изображенія царственныхъ особъ, въ числѣ коихъ находятся также портреты во весь ростъ императоровъ Павла I¹⁾ и Александра I. Описываемая мною статуетка Петра Великаго была привезена Ошторвтомъ изъ Вильно, гдѣ онъ получилъ ее въ подарокъ отъ виленскаго генераль-губернатора князя Николая Андреевича Долгорукова, который управлялъ сѣверо-западнымъ краемъ съ 23-го марта 1831 г. по 13-е марта 1840 г. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я могу сообщить о статуѣ Петра Великаго, воспроизведенія которой я, по крайней мѣрѣ, никогда не встрѣчалъ ни въ рисункахъ, ни въ скульптурѣ. Тоже утверждаютъ и многіе любители отечественной старины и искусствъ, которымъ я показывалъ находящійся у меня оригиналь.

¹⁾ Императоръ Павелъ I изображенъ освобождающимъ Костюшко изъ заключенія.

Отдѣлка орнаментовъ на латахъ, шлемѣ и вообще всей фигурѣ всадника тщательна до мелочности. Пьедесталь изъ бѣлаго мрамора. Имени художника нѣтъ. Вышина отъ нижняго края пьедестала до верхней точки шлема 11³/₄ верш., длина коня 8 верш.

Спб.

Сообщ. Мажовъ.

Прошеніе экономическихъ крестьянъ орловскаго намѣстничества генералъ-губернатору орловскаго и курскаго намѣстничествъ, Александру Андреевичу Балашеву.¹⁾

1790-хъ гг.

Карачевской округи, села Бутырь, отъ экономическаго крестьянина Ивана Говорухина съ товарищи прошеніе:

Оглянись, государь Александръ Андреевичъ, на наши горькія слезы, защити отъ воровъ повѣренныхъ и цѣловальниковъ, какъ они насъ раззоряютъ, вѣдь намъ, г-рь, не вмочь стало; просить некого, кромѣ тебя, г-рь, нигдѣ суда не сыщешь, хоть лобъ взрѣжь, всѣ у нихъ на жалованьи; просили капитанъ-исправника, да онъ отказался, просили ревизора, тотъ сказалъ: „не мое дѣло“. Наставили, г-рь, выставокъ,²⁾ въ нашихъ селахъ и деревняхъ экономическихъ, да и споили ребятъ (такъ), что доимки и податей платить некому, такъ что и бабы спились, все хозяйство пропили; а воры тому и рады, все берутъ въ закладъ, а вино держатъ доброе, да продаютъ его по 60-ти алтынъ за ведро; такъ не хотя пьешь. У насъ Ванька, да Мишка славные были колесники да.....³⁾ и въ ротъ не брали, ну такъ этихъ споили и доимки взять не съ кого, вотъ какое наше раззореніе. Мѣстахъ въ 20-ти у насъ въ округѣ наставили выставки; думали просить ревизора какъ онъ у насъ былъ, такъ повѣренный воръ видно купилъ (?) ему что-то въ горло, такъ и сказалъ: „не мое дѣло“. Наши ребята ходили къ нему въ Карачевъ, недѣлю цѣлую мучились; какъ придуть, такъ холопъ выйдетъ, да скажетъ: не время — либо спать, (либо) хмѣлень; а вѣдь, г-рь, (не) съ голыми руками (идти) къ нему; да и холопъ-отъ безъ полтины не доложитъ. Спросите у головного старосты Василія Кондратьевича, онъ мужикъ добрый, души не сломитъ: что-де ты

¹⁾ Беклешовъ Александръ Андреевичъ (1743—1808) былъ генералъ-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничествъ съ 1790 по 1796 годъ. Онъ, по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, оставилъ по себѣ память добраго и честнаго начальника, былъ обходителенъ со всѣми и строгъ, когда надобность того требовала. См. «Словарь дост. люд.» т. I, стр. 117—121.

²⁾ Для продажи вина.

³⁾ Точками обозначены не разобранныя слова.

Н. Д.

Кондратьевичъ заплатилъ въ лавку за наитки-то? за ревизора?... Скажеть небось ста полтора, да съ судьи слупилъ ста четыре (такъ-то) не боюсь, г-рь, онъ тебѣ скуи (?) надѣлалъ, а все-то повѣренный съ исправникомъ его пошли, да вскружили ему голову (такъ что) какъ шальной, сказываютъ, по городу бродить. Какъ ѣздилъ ты, г-рь, по городамъ, такъ мы хотѣли тя просить, чтобъ ты воражъ-то велѣлъ согнать отъ насъ выставки, такъ насъ въ то время исправникъ въ.... да и посадилъ подъ караулъ, пока ты пробкалъ; для того онъ вѣдь отъ нихъ, воровъ, получаетъ по 300 рублей въ годъ, да винца и водки что выпьетъ! Такъ они и живутъ, раздуй ихъ, душа въ душу; правды не сыщешь ни на алтынъ, — а просить некого; вотъ каково наше житье! Намъ сказали, что пріѣхалъ (ты) на житье (вѣроятно въ Орелъ), а то мочи нѣтъ къ тебѣ въ Курскъ-то идти; такъ спасибо, надоумилъ кумъ мой приказный, чтобъ послать тебѣ просьбу на почтѣ, такъ я и послалъ. Умилосердись, г-рь, прикажи, чтобъ насъ воры-повѣренные не разорали, намъ же не вмочь терпѣть отъ нихъ (коть) околѣть, (если ты), государь, не вступишься, такъ они кровь изъ насъ высосуть. Миѣ Бориско нашъ говорилъ: „пойдемъ въ Питеръ, попросимъ генерала Самойлова,¹⁾ такъ онъ за насъ и царикѣ доложитъ, что насъ воры совсѣмъ съѣли“; и онъ намъ, правда, съ руки: бачка его Николай Борисовичъ въ Брянскѣ у насъ воеводою, такъ съ нашими стариками хлѣбъ-соль важивалъ, да и Бориско-то работалъ у него на кольцовомъ заводѣ, такъ онъ за насъ, хоть бы гдѣ, такъ слово замолвить, али къ тебѣ напишетъ. Всякъ насъ знаетъ, бѣдныхъ, а просить (законнымъ порядкомъ) поиди, такъ пропадешь вмѣсто собаки, бросятъ въ острогъ, такъ и умрешь съ голоду; вѣдь у нихъ, у воровъ, во всѣхъ судахъ судьи, сказываютъ, подкуплены; ужъ на кого нападутъ, такъ суда нѣтъ, такъ и быть такъ; то и Теклова, даромъ, что зубастъ, да съ твоею милостью, зацѣпи, поймали съ набатомъ, да и подставили вина чанъ; не что едѣлалъ! клопочи! а его же всѣ ругали да дразнили, а нашъ братъ попадись, такъ разомъ съѣдятъ. Еще, г-рь, не помучь, выслушай: былъ оногдась у меня изъ Кричева экономическій Оожка Морченновъ, такъ бѣдныхъ обидѣлъ (судья Володимеровъ); они вѣдь имѣли землю лѣсную и планъ и межевую книгу выходили, а вѣдь не за даромъ-то доставали, твою милость вѣдаетъ, какъ межевня дѣла водятся, ну такъ нынѣ съ нимъ какую фигуру выкинули: въ ихъ-то дачу, да пустила Орловская па-

¹⁾ Самойловъ Александръ Николаевичъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка былъ генераль-прокуроромъ; ему поручалось вѣдать тайную, казначейства и экспедици. По матери онъ приходился роднымъ племянникомъ Потемкину.

лата другихъ мужиковъ, села Лины, да Бережежь. Байковой изъ Бережка за тѣмъ, что судья Володимеровъ посадилъ въ палату въ секретари Андрея Жигальцева, Антошкинова сына, такъ онъ взялъ съ Ливскихъ по 100, да съ Бонновскихъ по 500 рублей, кромѣ сахару и водки; да и пустилъ въ чужую дачу; ихъ раззоряютъ, грабятъ бѣдныхъ неювинно, а гдѣ просить? суда не слыщеть; даромъ что иные кажутся набожные судья, да псалтирь съ акафистами читаютъ, а правды въ нихъ нѣтъ ни на алтынъ, и за воровъ-откупщиковъ такъ рады и на крестъ пойти. Небось г-рь Александръ Андреевичъ въ господскихъ-то деревняхъ воры-то съ выставками не суются, тѣ (господа) и сами къ тебѣ дорогу найдутъ, да что? полно, сами шинкуютъ: у насъ въ округѣ такъ въ пятеромъ вмѣстѣ господа-то продаютъ тамъ опузатѣль отъ вина—ему любо, а то еще у Теплова, да у Зиновьева, да у Панина, да у Ржевскаго, а исправникъ не смотрѣлъ для того, что они ему кто лошады, кто денегъ даютъ, такъ онъ и молчитъ. Да что, полно, подь Орломъ-то они на гати у Цирькова въ городищѣ (построили заводъ), то-то ужъ пожгутъ дровъ, и прошедшую зиму ведеръ съ 100,000 накурили и все по вонторскимъ развезли. Все-то орловская хохлятая голова (?) завнается, вездѣ воры есть, сгинь ихъ голова! Пошли-ко, г-рь, потихоньку кого провѣдать, пересчитать ставки, небось ста три насчитаетъ, скажешь мнѣ спасибо, что не солгалъ, а коли солгалъ, то провались я въ таргарары и выйди изъ меня душа безъ покаянія; знаешь что мнѣ лихо пришло, некому противъ нихъ топорщиться, разомъ съѣдятъ. Умилостивись, г-рь, заступи за насъ, сиротъ, а коли не вступишься, то намъ пропасть; придетъ наша-то жизнь вотъ какова: поплачешь, да за обидѣвнаго свѣчку поставишь, а имъ, ворами, ничего не дѣлается. Какъ ты изволилъ ѣздить по Окѣ на ихъ воровской лодкѣ, такъ хороше на кормѣ-то стоялъ налить, вотъ они, воры, только пузатѣютъ, шкура съ нихъ долой! а когда попадетъ къ нимъ нашъ братъ съ винишкомъ (т. е. корчемникъ), такъ мучаютъ, мучаютъ, да за ведро рублевое сто сдерутъ; аномнись попался парень нашъ съ осьмушкой, купилъ у Панина на хуторѣ, такъ они съ него анбаръ (?), да мерина слупили, рублей въ 17; такіе воры, ужъ никто противъ нихъ не смѣй топорщиться. У насъ сосѣдъ изъ господъ также, да баринъ какой честный, прямо какъ христіанинъ, никого не обижаетъ, Федоръ Ивановичъ овъ, тоже сбился деньжонками, да сгородилъ себѣ заводецъ, думалъ также какъ и богатые винишкомъ побарышевать, ну! такъ воры подвели милаго и теперь живота не надышетъ, и заводецъ опустѣлъ, и долгу себѣ на шею наколбалъ, а парень-то, парень, какой добрый, да смышленный, только

оплошаль тѣмъ, что не далъ ничего исправнику, такъ и пропалъ, за-
скудѣлъ такъ и подумать не можно; правда, у насъ исправникъ цѣ-
лая собака! Нынѣ, передъ страстной, послалъ своего холопа, Оедьку,
по нашимъ экономическимъ селамъ собрать къ празднику ветчины,
барановъ, куръ, еще яйца, масла, сметаны, сыру (творогу), а инне,
вѣдаешь, глупые люди, и навлали ему воза два, а онъ, воръ, почти
все продалъ, а господину-то развѣ десятая доля попала; да я, спа-
сибо, самъ отвезъ къ его милости кадочку меду, барашка, да три
осьмины овса, такъ ко мнѣ хорошъ сталъ: изъ своихъ ручекъ ча-
рочку винца (поднесъ); однако я боюсь, г-рь Александръ Андреевичъ,
у меня два парня, взрослые ужъ ребята, такъ чтобъ онъ, какъ бу-
детъ наборъ рекрутскій, такъ бы не упеталъ (?) сына моего въ сол-
даты, да полно, я къ твоей милости въ тогдашнее время добреду, а
ты, г-рь, тогда помилуй Богомъ и собой, да не сердись же, г-рь, на
мой глупыя рѣчи, что тебѣ насучилъ, да заступись за насъ: не вели
насъ ворами-то обижать. Я къ тебѣ, г-рь, давно послалъ бы грамотку,
да у насъ и написать-то некому, а спасибо попался холопъ Толбу-
гина, такъ онъ написалъ ему (?) грамотку, а мы вѣдь люди стало-
быть не смысленные и не знаемъ, что онъ намъ написалъ; на празд-
никъ подошелъ ко мнѣ, такъ я ему помолился, да далъ денегъ
алтынъ, да за бумагу ему 10 яицъ. Да коли воры насъ не переста-
нутъ обижать, такъ я къ тебѣ опять напишу грамотку, или самъ при-
волокусь въ Коренную (т. е. во время Коренной ярмарки)¹⁾, помо-
литься Божіей Матери; ты, чай, самъ будешь на ярмаркѣ. Ужъ не лю-
бить-же тебя, г-рь, они, воры, и бранять, и чортъ знаетъ какъ! у насъ
давно повѣренный проговорился: „и того чтобъ-де не станеть и твою
милость съ мѣста сжить, наши-де хозяева и съ большими-те боярами
знакомы“, то (смотри), чтобъ они, воры, не подыскались и надъ тобой,
ужъ спасибо, что ты на нихъ добрая вѣса. За симъ кланяюсь, продли
тебѣ Господи живота и вѣку. Иванъ Говорухинъ съ товарищи.

Примѣчаніе. Копія съ этой «грамотки», переписанная разными руками,
очень неразборчива и безграмотна; заимствована изъ одного рукописнаго сбор-
ника моей бібліотеки; въ сборникѣ переплетены вмѣстѣ рукописи прошлаго
и начала нынѣшняго столѣтія; кромѣ настоящей «грамотки», тамъ встрѣчаются
списокъ извѣстной повѣсти о зачатіи и рожденіи Петра I-го—Крекишина, це-
ремоніалы погребенія Потемкина, стихи и рѣчи на его кончину; указы импе-
ратора Павла за 1-е годы его царствованія (запрещеніе носить платья извѣст-
наго покроя) и проч.

Н. П. Дуровъ.

¹⁾ Коренной Рождественскій монастырь курской епархіи, въ 27-ми верстѣ
отъ Курска по Орловской дорогѣ, основанъ въ честь найденной тамъ иконы
Знаменія Божіей Матери на корнѣ одного дерева, почему и названа эта чуд-
творная икона Коренною. При монастырѣ бываеетъ однажды въ годъ ярмарка,
начинающаяся за недѣлю передъ девятою пятницею по Пасхѣ. Н. Д.

Фельдмаршалъ М. Ѡ. Каменскій.

1866.

Въ 1806 году, когда необходимо было избрать главнокомандующаго для нашей арміи, предназначенной для дѣйствія противу Наполеона, голосъ цѣлой Россіи указалъ на маститаго вождя времени Екатерины, сподвижника Суворова, графа Михаила Ѡедотовича Каменскаго.

Назначеніе его было радостно привѣтствуемо всѣми; Петербургъ и Москва ливовали, Державинъ привѣтствовалъ героя одою; императрица Елисавета Алексѣевна, несмотря на болѣзнь, приняла его въ постели; все было полно надеждъ и увѣренности въ успѣхъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій — и пришли эти извѣстія, доказавшія, что мечъ Екатерины позаржавѣлъ отъ долгаго пребыванія въ ножнахъ.

Дѣйствительно, послѣ сумасбродныхъ споровъ за старшинство и самовольнаго принятія начальства надъ арміею, дѣйствовавшею противу Турокъ (послѣ смерти князя Потемкина) въ 1791 году, Каменскій былъ уволенъ отъ службы и снова принятъ императоромъ Павломъ I 24-го ноября 1796 года; възвысанъ его милостями въ 1797 году; награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго, чиномъ генералъ-фельдмаршала и возведенъ въ графское достоинство, а 25-го декабря того же года уволенъ отъ службы за слабостію здоровья.

Двѣнадцать лѣтъ бездѣйствія и отвычки отъ командованія арміею были сознаны старикомъ тотчасъ по прибытіи въ армію. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ его письма, отъ 18-го декабря 1806 года къ императору Александру Павловичу: ¹⁾

„Отъ всѣхъ моихъ поѣздокъ получилъ садну (ссадину) отъ сѣдла, которая, сверхъ прежнихъ перевязокъ моихъ, совсѣмъ мнѣ мѣшаетъ ѣздить верхомъ и командовать такой обширной арміею...“. „При томъ откровеннымъ сердцемъ передъ государемъ открываюсь, что, по нынѣшнему короткому пребыванію при арміи, нашелъ себя нескожимъ на себя: нѣтъ той резолюціи, нѣтъ того терпѣнія къ трудамъ и ко времени, а болѣе всего нѣтъ прежнихъ глазъ, а безъ нихъ полагаться должно на чужіе рапорты, не всегда вѣрные...“. „Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ из-

¹⁾ Мих.-Данил. «Описаніе войны 1806 и 1807 г.», стр. 100—101.

бранъ. Всемилостивѣйшаго дозволенія вашего о томъ ожидать буду здѣсь при госпиталѣ, дабы не играть ролю писарскую, а не командирскую — при войскѣ“.

Намъ удалось собрать подлинныя бумаги, относящіяся до этого курьезнаго эпизода кампаніи 1806 года (въ томъ числѣ 25 собственноручныхъ писемъ Каменскаго). Бумаги эти, съ необходимымъ объясненіемъ, мы со временемъ сообщимъ на страницахъ „Русской Старины“; теперь же, въ видѣ образчика, помѣщаемъ одно изъ писемъ фельдмаршала графа Каменскаго къ графу Вусгевдену. Мы позволяемъ себѣ, при сятіи копій съ письма, восстановить ореографію:

„Милостивый государь мой, графъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ. Что у васъ дѣлается — извѣстите меня, прошу; остаетесь-ли, и въ такомъ случаѣ подрагаться надо и отогнать, или всѣхъ отвести далѣе, на сытое мѣсто ¹⁾ въ Пруссію-жъ, и вернуться нѣсколько отъ Наревы направо. Есть-ли драка будетъ дней черезъ пять, то я волонтеромъ быть могу. Рана еще не зажила; но въ тому времени подживетъ. Я волонтеромъ радъ быть, но не командиромъ. Посылаю сіе черезъ нарочнаго. Покорный слуга графъ М. Каменскій“.

На оборотѣ: „Сдѣлайте рѣшеніе о больныхъ и раненныхъ на Остроленкѣ. z.

Василій Григорьевичъ Костенецкій.

1780 — 1831.

Читая въ „Русской Старинѣ“ весьма интересныя Записки Жиркевича,²⁾ въ которыхъ онъ, между прочимъ, рассказываетъ, о шуткѣ съ нимъ въ сраженіи подъ Бауценомъ въ 1813 году генерала Костенецкаго, командовавшаго тогда всею гвардейскою артилеріей, мнѣ пришли на мысль многіе, слышанные мною въ свое время, анекдоты объ этомъ генералѣ, который, въ числѣ великихъ подвижниковъ нашей отечественной войны, славенъ былъ многими блистательными военными подвигами, о которыхъ рассказалъ нѣчто Михайловскій-Данилевскій въ своемъ „Описаніи портретной галереи генераловъ 1812 года“.

Этотъ генералъ Костенецкій былъ мой двоюродный дядя, имѣлъ имѣніе въ одномъ со мною селеніи, въ которомъ по временамъ проживалъ, гдѣ я иногда его видѣлъ еще въ моемъ дѣтствѣ, и слышалъ объ немъ множество самыхъ оригинальныхъ рассказовъ, которые, если не всѣ,

¹⁾ Т. е. не тронутое реквизиціонными сборами.

²⁾ «Русская Старина» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—241; т. X, стр. 633—666; т. XI, стр. 411—450, 642—664.

быть можетъ, справедливы, но все же они правдоподобны, и такъ какъ обрисовываютъ одну изъ самыхъ достопримѣчательныхъ личностей, уже прославленныхъ исторіей, то я считаю не бесполезнымъ сдѣлать ихъ извѣстными.

По семейнымъ преданіямъ фамилія Костенецкихъ, въ до-Петровскія времена, жила въ задѣпровской Малороссіи, гдѣ владѣла значительными имѣніями, крѣпко держалась православія и за это претерпѣвала много гоненій отъ своихъ собратій, ополячившихся и перешедшихъ въ католичество помѣщиковъ. Одинъ изъ этой фамиліи, за свою непоколебимость въ православіи, послѣ всевозможныхъ притѣсненій и гоненій, наконецъ былъ казненъ въ Варшавѣ, и изъ груди его было вырвано палачемъ сердце, изображеніе котораго, пронзенное двумя стрѣлами, сдѣлалось потомъ гербомъ фамиліи Костенецкихъ. Вдова казеннаго бѣжала съ двумя малолѣтними сыновьями на эту сторону Днѣпра, и гетманъ Малороссіи Скоропадскій, уже въ царствованіе Петра I, далъ ей во владѣніе нѣсколько помѣстій въ Конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ и теперь проживаетъ эта фамилія, и гдѣ генераль Костенецкій имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ имѣніе, состоявшее по прежнему опредѣленію величины имѣній, изъ четырехъ сотъ душъ крестьянъ, и проживалъ въ селеніи Веревкѣ, рядомъ съ бывшею усадьбой моего отца.

Генераль Костенецкій былъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ стройный и красивый мужчина съ самымъ добрымъ и привѣтливымъ лицомъ и обладалъ необыкновенною физическою силою. Характера былъ добраго, имѣлъ нѣжное сердце, но вспыльчивъ въ высокой степени; твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не умѣлъ гнутья предъ начальствомъ, съ трудомъ переносилъ подчиненность, и вообще былъ человѣкъ съ сильными страстями, любилъ женщинъ, а еще болѣе былъ любимъ ими, но никогда не былъ женатъ. Онъ былъ очень образованъ; какъ артиллеристъ любилъ математику, любилъ русскую исторію и историческія древности, былъ патриотомъ въ высшей степени и человѣкомъ въ полномъ смыслѣ военнымъ. Ему вѣчно хотѣлось сражаться и онъ готовъ былъ покорить Россію всю Европу. Онъ хорошо зналъ французскій языкъ, и изъ патриотизма, часто въ шутку, утверждалъ, что этотъ языкъ происходитъ отъ русскаго языка. „Вотъ, напримѣръ, говорилъ онъ, слово cabinet происходитъ отъ русскаго слова какъ бы нѣтъ, domestique, слуга, отъ словъ: домъ мести, кому же какъ не слугѣ прилично домъ мести“, и проч. — анекдотъ извѣстный цѣлой Россіи.

Много говорили о необыкновенной физической силѣ генерала Костенецкаго. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго

о томъ, какъ этотъ Костенецкій, въ одномъ изъ сраженій съ Французами, кажется въ 1809 году, когда на батарю, которою онъ командовалъ, бросились польскіе уланы, перебили всю прислугу, и, разумѣется, взяли бы батарею, но Костенецкій, схвативши баннигъ, началъ ваять имъ Поляковъ направо и налѣво, многихъ перебилъ, прогналъ всѣхъ и не допустилъ ихъ овладѣть батареей. Послѣ этого, когда государь Александръ Павловичъ благодарилъ его за такой подвигъ, онъ сказалъ государю, что надобно бы ввести въ артилерію, вмѣсто деревянныхъ, желѣзные банники. Государь возразилъ ему: „Мнѣ не трудно ввести въ артилерію желѣзные банники, но гдѣ найти такихъ Костенецкихъ, которые могли бы владѣть ими!“ Не знаю, откуда именно Михайловскій-Данилевскій взялъ этотъ рассказъ, но объ этомъ событіи, еще до появленія его въ печати, я слышалъ отъ сослуживцевъ генерала Костенецаго; что онъ разгибалъ подковы, сгибалъ серебряные рубли—это было всѣмъ извѣстно. Однажды, говорятъ, въ Кіевѣ, въ одномъ обществѣ, въ которомъ, въ числѣ гостей былъ генералъ Костенецкій, дамы, желая подшутить надъ нимъ, поднесли ему на тарелкѣ очень искусно сдѣланную каменную грушу, и просили его скушать. Костенецкій, замѣтя обманъ, взялъ грушу въ руку и, какъ бы нечаянно раздавивши ее, воскликнулъ: ахъ! какая она мягкая.

Проживая однимъ лѣтомъ въ имѣніи своемъ, въ Беревѣ, шелъ онъ по плотинѣ, мимо водяной мельницы, принадлежавшей отцу моему, возлѣ которой лежалъ большой мельничный жерновъ, и мельникъ съ нѣсколькими рабочими силились поднять его и везти въ мельницу.— „Что вы это дѣлаете?“ спросилъ ихъ генералъ Костенецкій.— „Да отъ, добродію, хочемо укутыть у млинъ оцей каминь, да не ахъ не сможемо“, отвѣчалъ мельникъ.— „Эхъ вы, слабѣе какіе, возразилъ генералъ, давайте, я вамъ помогу“. И съ этими словами подложивъ руку подъ жерновъ, поставилъ его на торчъ, и потомъ самъ, одинъ, везилъ его въ мельницу, къ удивленію собравшейся по этому случаю толпы людей.

Жизнь велъ онъ необыкновенно оригинальную: одѣвался въ длиннополый военный сюртукъ и носилъ какую-то необыкновенно высокую, форменную фуражку. Комнатъ зимою никогда не топилъ, и ему въ нихъ не было холодно, но каково же было иногда посѣщавшимъ его гостямъ! Когда и мнѣ приходилось бывать у него, то бывало дрожишь, какъ въ лихорадѣ. Возлѣ крыльца дома была всегда наметана большая куча снѣгу, и онъ, какъ только поутру встанетъ съ постели, то есть, съ жесткаго кожаного дивана съ такой же головной подушкой, безъ простыни и одѣяла, тотчасъ же отправляется

голымъ въ эту вучу снѣга и въ ней барахтается, и когда потомъ войдетъ въ комнату, то паръ идетъ съ него, какъ послѣ бани. Чай пилъ онъ тоже не по обыкновенному: онъ обходился безъ чайника, влялъ чай прямо въ стаканъ, наливалъ его горячей изъ самовара водой, и когда чай настаивался, тогда онъ пилъ его безъ сахара и потомъ жевалъ чайные листья. Пища его была сама простая: борщъ, каша и изрѣдка жаркое. Водки и вина не пилъ вовсе, но для гостей имѣлъ превосходныя наливки, которыя по нѣсколько лѣтъ хранились въ погребѣ, въ боченкахъ и бутылкахъ. Еще была у него одна необыкновенная странность. Съ крестьянами своими онъ обращался очень мило-стиво, но не любилъ своего прикащика П*... , который и крестьянъ угнеталъ и его обманывалъ, и въ каждый его прїѣздъ въ имѣніе, этому прикащику доставалось переносить отъ него много и брани и побоевъ. Семейство этого прикащика составляло и его прислугу, и какъ онъ со всѣми ими обращался строго, то и боялся ихъ мщенія, чтобы они его когда-нибудь не отравили. Чтобы предупредить такую опасность, онъ хотѣлъ приучить себя не бояться никакой отравы, и для этого онъ носилъ всегда въ карманѣ кусокъ мышьяку, который ежедневно поутру лизалъ языкомъ по нѣскольку разъ, каждый день постепенно увеличивая количество лизаній, и такимъ способомъ довелъ себя до того, что уже довольно значительный прїемъ мышьяка, который былъ бы смертельнымъ для всякаго другого человѣка, на него не производилъ никакого вреднаго дѣйствія.

Знавшіе этого генерала артиллеристы, или служившіе подъ его командой, рассказывали о немъ какъ о добромъ и снисходительномъ начальникѣ, честномъ, справедливомъ и въ высшей степени безкорыстномъ человѣкѣ; а объ его артиллерійскихъ свѣдѣніяхъ относились даже какъ о необыкновенныхъ для своего времени. Онъ не могъ терпѣть тѣхъ медленныхъ маневровъ нашей пѣшей артилеріи, какіе въ ней употреблялись въ его время, когда всѣ движенія съ орудіями производились не иначе какъ шагомъ, и вводилъ въ своихъ батареяхъ собственно свои, совершенно особые и быстрые маневры, на полныхъ рѣсяхъ или даже карьерѣ лошадей, при какихъ движеніяхъ прислуга садилась на лафеты,—маневры, которые потомъ, гораздо позже, введены въ нашей пѣшей артилеріи уже при государѣ Николаѣ Павловичѣ.

Извѣстно, что цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ тоже обладалъ значительною физическою силою, которую онъ, разумѣется, уважалъ и во всякомъ другомъ силатѣ, и поэтому, да и по другимъ причинамъ, онъ очень любилъ генерала Костенецкаго и былъ съ нимъ друженъ. Когда отъ англійскаго двора были привезены двѣ

превосходнѣйшія сабли въ подарокъ, одна — государю Александру Павловичу, съ золотой на полосѣ буквой А, а другая—Константину Павловичу съ буквой К, то государь подарилъ свою саблю Аракчееву, а Константинъ Павловичъ—Костенецкому. Такъ кстати подошли начальныя буквы фамилій ихъ любимцевъ къ вензелямъ на подаркахъ. Саблю эту я видѣлъ у генерала Костенецкаго еще въ моемъ дѣтствѣ, которая, по смерти его, какъ и все очень цѣнное имущество генерала, погибла въ пожарѣ.

Въ царствованіе Александра Павловича, послѣ отечественной войны, начало въ Костенецкомъ сильно проявляться чувство національнаго достоинства и, съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличилось нерасположеніе къ русскимъ и иностранцамъ, которые съ давнихъ временъ вторглись въ нашу высшую іерархію, и, занимая высшія должности, покровительствовали своимъ одноземельцамъ, пренебрегали русскими и, часто вовсе незаслуженно, получали награды и милости преимущественно предъ ними. Извѣстенъ анекдотъ про Ермолова, который будто бы, когда государь Александръ Павловичъ, желая его наградить за что-то, спросилъ, какую бы онъ желалъ получить награду, отвѣчалъ: „Государь! сдѣлайте меня нѣмцемъ!“ давая знать этимъ, что стоитъ только быть нѣмцемъ, такъ всѣ награды посыплются уже сами собою. Но эту ненависть къ нѣмцамъ, или вообще къ иностранцамъ, никто не питалъ въ такой высокой степени, какъ генералъ Костенецкій, который, по пылкости своего характера, никакъ не могъ скрывать такого своего къ нимъ нерасположенія, и очень часто его обнаруживалъ, иногда къ лицамъ, гораздо выше его стоящимъ въ служебной іерархіи, а это и было причиной, что служебная его карьера тянулась очень медленно: его обходили чинами, орденами, и только что терпѣли на службѣ. Еще въ 1812 году онъ былъ уже генералъ-майоромъ, командовалъ всею артилеріей гвардейскаго корпуса, но, по окончаніи войны, оставался все время въ томъ же чинѣ и только государь Николай Павловичъ произвелъ его въ генералъ-лейтенанты. Онъ имѣлъ орденъ Владимира второй степени, и когда за какое-то отличіе слѣдовало наградить его высшимъ орденомъ или чиномъ, то ему, какъ бы въ насмѣшку, дали въ другой разъ тотъ же самый орденъ, такъ что онъ и въ титулѣ своемъ именовалъ себя кавалеромъ ордена Владимира 2-й степени, двухъ пожалованій — случай едва-ли ни единственный въ лѣтописяхъ нашей арміи! — и послѣ командованія гвардейской артилеріей сдѣлали его бригаднымъ командиромъ полевой нѣшей артилеріи...

Чувствуя себя недостойно гонимымъ по службѣ, Костенецкій не могъ равнодушно сносить такого нерасположенія къ себѣ началь-

ства, но по своему упрямому характеру, а также и сознанию собственного достоинства, онъ не такого не старался предъ нимъ смириться, но при всякомъ случаѣ, гдѣ только онъ чувствовалъ себя правымъ, никому не спускалъ и ни предъ кѣмъ не унижался. Въ то время начальникомъ артилеріи 1-й арміи былъ князь Яшвилъ, татаринъ по происхожденію. Уже одного только не русскаго происхожденія князя Яшвила было достаточно, чтобы возбудить къ себѣ нерасположеніе генерала Костенецкаго, но, кромѣ этого, князь, какъ говорятъ, былъ недальняго ума, въ артилеріи понималъ очень немного, требовалъ исполненія одного только тогдашняго артилерійскаго устава, и поэтому онъ очень не одобрялъ всѣ тѣ нововведенія Костенецкаго, которыя послѣдній вводилъ въ пѣшемъ артилерійскомъ ученіи. И вотъ изъ-за этихъ-то разныхъ взглядовъ на артилерійскую службу, да и изъ-за многихъ другихъ личностей, между Костенецкимъ и Яшвилемъ возродилась непримиримая вражда. Не проходило ни одного смотра безъ того, чтобы князь не наговорилъ Костенецкому своихъ начальническихъ замѣчаній и распеканій, и чтобы Костенецкій ни отвѣчалъ ему или доказательствами своей правоты, или же и разными колкостями и шутками, обнаруживавшими незнаніе Яшвила.

Такія непріязненные отношенія между княземъ Яшвилемъ и генераломъ Костенецкимъ, между начальникомъ и подчиненнымъ, разумѣется, не могли нравиться прочему высшему начальству, а эти лица, будучи расположены къ тому и другому, старались ихъ примирить. Однажды, бывший тогда главнокомандующій первой арміи графъ Остенъ-Сакенъ, на обѣдѣ у себя, на которомъ былъ князь Яшвилъ и генералъ Костенецкій, началъ склонять ихъ къ миру и уговаривать Костенецкаго оставить свое, нетерпимое въ службѣ, неуваженіе къ начальнику; когда Костенецкій приводилъ въ свое оправданіе такія доказательства, съ которыми нельзя было не согласиться, то Сакенъ наконецъ сказалъ ему:

— Все это, положимъ, справедливо, генералъ, но я васъ прошу, оставьте всѣ эти непріятности, и для меня, если вы меня любите, помиритесь съ княземъ!

— Да кто вамъ сказалъ, в. с., возразилъ Костенецкій, что я васъ люблю? Я васъ терпѣть не могу!

— Какъ, генералъ, воскликнулъ удивленный Сакенъ. Да за что же вы меня не любите?

— Вы — нѣмецъ! отвѣчалъ Костенецкій; тѣмъ и кончилось это примиреніе.

Наконецъ, ненависть Костенецкаго къ князю Яшвилю дошла до крайняго предѣла и кончилась вотъ какимъ происшествіемъ: князь

пріѣхалъ сдѣлать смотръ бригадѣ Костенецкаго и для этого, съ вечера, былъ отданъ приказъ, чтобы завтрашній день, во столько-то часовъ, бригада собралась бы для смотра на такомъ-то мѣстѣ. Въ назначенный часъ князь Яшвилъ выѣзжаетъ на указанное мѣсто..... и не видитъ ни одной пушки и ни одного артиллериста!.. Удивленный этимъ, онъ посылаетъ адъютанта своего къ генералу Костенецкому спросить, что значить, что до сихъ поръ не явилась на смотръ бригада? Адъютантъ пріѣзжаетъ къ генералу Костенецкому, говоритъ ему, что до сихъ поръ нѣтъ бригады на плацу, что князь очень сердится, и приказалъ ему спросить у его превосходительства, что это значить?

— „Скажите князю, отвѣчалъ адъютанту Костенецкій, что бригада скоро явится на смотръ, а я не поѣду, мнѣ некогда: я сейчасъ иду въ церковь править молебень объ изгнаніи изъ Россіи послѣднихъ Татаръ!“

Адъютантъ передалъ отвѣтъ Костенецкаго князю Яшвилу.

Послѣ такой выходки Костенецкій былъ удаленъ отъ командованія артиллерійской бригадой съ оставленіемъ по артилеріи, и въ продолженіи всего царствованія Александра Павловича не получалъ уже никакого служебнаго назначенія.

Костенецкій жилъ большею частію въ Петербургѣ. По вступленіи на престолъ Николая Павловича, въ день 14-го декабря, генералъ явился на Сенатскую площадь, все время находился при государѣ, и говорить, первый совѣтовалъ употребить въ дѣло пушки. При общихъ наградахъ, по случаю восшествія государя на престолъ, Костенецкій былъ пожалованъ чиномъ генералъ-лейтенанта, но долго и отъ Николая Павловича не получалъ никакого командованія; наконецъ, въ 1831 году онъ былъ назначенъ начальникомъ артилеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, но не успѣлъ уже воспользоваться этимъ лестнымъ для него назначеніемъ. 6-го іюля 1831 года онъ умеръ въ Петербургѣ отъ холеры, лѣтъ пятидесяти отъ рожденія.

Я. И. Костенецкій.

Скибенци.